

RU

Когнитивные механизмы регулятивности графических средств
в романе Донны Тартт “The Goldfinch” («Щегол»)

Симонова Е. П., Коваленко Г. Ф.

Аннотация. Цель исследования – раскрыть когнитивные механизмы регулятивности стилистических графических средств. В работе рассмотрены положения теории восприятия, изучены традиционные подходы к исследованию графики, выявлены индивидуально-авторские графические средства, описаны когнитивные аспекты регулятивности шрифтовых выделений. Научная новизна заключается в выявлении когнитивных механизмов регулятивности графических средств в процессе интерпретации. Полученные результаты показали, что регулятивность курсива и заглавных букв связана с когнитивной сферой адресата, адресатная эвристика ориентирована на когнитивные механизмы перспективизации и концептуальной интеграции.

EN

Cognitive Mechanisms of Graphical Means Regulativity
in the Novel “The Goldfinch” by Donna Tartt

Simonova E. P., Kovalenko G. F.

Abstract. The paper aims to reveal cognitive mechanisms of graphical stylistic means regulativity. The article considers the basic provisions of the perception theory, examines traditional approaches to studying graphical means, identifies authorial graphical means and describes cognitive mechanisms of italicization regulativity. Scientific originality of the research involves identifying cognitive mechanisms of graphical means regulativity. The findings indicate that regulativity of italicization and capitalization is associated with an addressee’s cognitive sphere; object-oriented heuristics focuses on studying cognitive mechanisms of perspectivization and conceptual integration.

Введение

Авторский замысел любого художественного произведения должен быть понятен адресату, поэтому можно говорить о его предопределяющем характере и об интерпретирующем потенциале различных языковых и стилистических средств в художественном тексте. Поскольку восприятие литературного произведения происходит преимущественно через чтение, графические средства выделения имеют большое значение [1, с. 296]. Графика как средство зрительного выделения психологически акцентированных текстовых единиц в стилистически организованном контексте нашла широкое и разнообразное использование в художественной литературе. Результаты современных когнитивных, психолингвистических, лингвокультурных, прагматических исследований языка свидетельствуют о том, что лингвистика экспансивна и выходит в приграничную с самим языком когнитивную деятельность, в культурный и другие контексты бытования языка [15], что не может не сказываться на понимании и ее традиционных объектов изучения. Графические средства не являются в этом отношении исключением, поэтому их исследование на современном этапе осуществляется комплексным подходом.

Актуальность работы объясняется следующими факторами: 1) при всей очевидности широкого использования графических стилистических средств в литературных произведениях их изучение ограничивается в основном функциональными аспектами, при этом когнитивная сущность управления интерпретационной деятельностью читателя с помощью графических средств остается нераскрытой; 2) кардинальные изменения в лингвистической науке под влиянием нового понимания языка как когнитивного процесса и когнитивного явления обуславливают необходимость когнитивного подхода к исследованию стилистической графики.

В связи с поставленной целью в задачи исследования входят: анализ теории восприятия в психолингвистическом и когнитивном аспектах для определения теоретического ракурса и основных направлений исследования; анализ различных подходов к исследованию графических средств в художественном произведении

с целью выявления их интерпретационных возможностей; выявление индивидуально-авторских графических средств в материале исследования и анализ их регулятивной функции в когнитивном аспекте; раскрытие когнитивных механизмов понимания, лежащих в основе регулятивности графических средств.

Методы исследования обусловлены общей целью и поставленными задачами и включают: стилистический анализ, используемый при идентификации значимых графических средств и выявлении их интерпретационного потенциала; герменевтический метод, предполагающий интерпретацию роли графических стилистических средств в процессе вторичной коммуникативной деятельности читателя – восприятия читателем произведения; когнитивный анализ, используемый при выявлении когнитивных механизмов, на которые ориентируется адресат в процессе интерпретации текста; метод инференции, или выводного знания, выступающий в качестве основного при описании имплицитных способов выражения смысла.

Теоретической базой проведенного исследования послужили положения стилистики декодирования (И. В. Арнольд, 2002; В. А. Кухаренко, 2009 и др.); теория коммуникативной стилистики художественного текста (Н. С. Болотнова, 2001; С. В. Сыпченко, 2001; Р. Я. Тюрина, 2001 и др.); теория восприятия и интерпретации смысла текста в коммуникативно-деятельностном, когнитивном и психолингвистическом аспектах (А. А. Брудный, 1975; Л. С. Выготский, 1982; В. П. Глухов, 2005; И. С. Кубрякова, 1994; Н. Н. Болдырев, 2000; И. Ю. Колесов, 2008; О. Г. Твердохлеб, 2004; Н. А. Олейникова, 2008 и др.).

Теоретическая значимость работы состоит в том, что в ней выявлены индивидуально-авторские графические средства, выполняющие регулятивную функцию в романе "The Goldfinch", и раскрыты когнитивные аспекты регулятивности графических шрифтовых выделений, связанные с когнитивным механизмом перспективизации и когнитивным процессом концептуальной интеграции.

Практическая значимость проведенного исследования состоит в том, что полученные результаты могут быть использованы в процессе анализа художественных произведений на практических занятиях по стилистике английского языка, интерпретации художественного текста и т.д. Обращение к когнитивным аспектам регулятивности графических средств позволяет более глубоко понять смысл художественного текста.

Графические средства в исследованиях ученых

Интерпретационный потенциал графических средств в художественном произведении исследовали И. В. Арнольд, А. П. Сквородников, В. А. Кухаренко, Л. К. Бобылева и многие другие. Обычно эти средства «направлены на передачу эмоциональной окраски, т.е. чувств, которые писатель сообщает читателю, или эмфазы как общего специального увеличения усилий говорящего, особо подчеркивающего часть высказывания или подсказывающего наличие подтекста» [1, с. 297]. Важное место в ряду графических стилистических средств принадлежит стилистически релевантным искажениям орфографической нормы, выполняющим характеризующую функцию в художественном тексте [16, с. 14-15]. Исследователи отмечают также значимую роль шрифтового выделения – написания прописной буквы вместо строчной и курсив, которым выделяют эпиграфы, поэтические вставки, цитаты, слова другого языка и вообще все то, что требует необычного усиления (эмфатический курсив) [1, с. 310]. А. П. Сквородников отмечает прагматическую нагрузку графических стилистических средств – экспрессивно-выделительную, эмоционально-оценочную и эстетическую [21, с. 107]. При этом основной функцией исследователь называет выделительно-актуализирующую, в пределах которой графические средства выполняют разнообразные частные функции, в том числе они усиливают авторскую оценку или эмоцию, выделяют «чужие слова», создают смысловую многоплановость слова, участвуют в создании комического эффекта [Там же, с. 108]. Л. К. Бобылева выявляет композиционную роль курсива на примере романа Джеймса Джойса «Улисс», где данное шрифтовое выделение способствует преодолению линейности текста и помогает читателю ориентироваться в нем [4, с. 57]. В рамках коммуникативной стилистики художественного текста, одним из направлений которой является теория регулятивности, участие графических средств связано с их ролью в воздействии на адресата с целью направления его интерпретационной деятельности [26].

Теория регулятивности

Коммуникативно-деятельностный подход к тексту, разрабатываемый в рамках коммуникативной стилистики художественного текста, характеризуется восприятием текста как формы коммуникации и подразумевает как текстовую деятельность автора, направленную на порождение текста, так и вторичную коммуникативную деятельность адресата, включающую восприятие, интерпретацию и понимание текста [6, с. 37]. Результатом вторичной коммуникативной деятельности является прагматический эффект текста. Таким образом, «при коммуникативно-деятельностном подходе к тексту на первый план выдвигаются вопросы текстообразования и текстовосприятия» [26, с. 113].

К основным понятиям коммуникативной стилистики текста относится понятие регулятивности, под которой подразумевают способность текста «управлять» познавательной деятельностью читателя [6, с. 42]. В соответствии с «волевой задачей» выделяются текстовые структуры (регулятивы), стимулирующие различные коммуникативные эффекты, важнейшими из которых являются типы выдвижения, выделенные в стилистике

декодирования: обманутое ожидание, сцепление, конвергенция [1]. Регулятивные структуры отражают связь регулятивных средств, к которым относят, например, компаративные тропы. Исследование зависимости интерпретационных возможностей компаративных тропов от особенностей их семантики и включенности в лексическую структуру представлено в работах С. В. Сыпченко [23]. Морфологические и «графические» окказионализмы в поэзии, способствующие приобщению читателя к эмоциональному миру поэта, исследует Р. Я. Тюрина [26]. Ученые пришли к выводу, что идиостилевое разнообразие авторов проявляется как в степени представленности регулятивных средств (в том числе графических), так и в их функциональных предпочтениях.

Графические средства выделения в аспекте психолингвистической и когнитивной теорий восприятия

Визуальное восприятие является главным каналом получения человеком информации, и в языке оно презентуется как разными языковыми единицами, так и различными особенностями их организации и оформления, что не перестает вызывать интерес лингвистов.

Говоря о средствах графического выделения, необходимо обратиться к психолингвистической и когнитивной теориям восприятия. Исследователи в области психолингвистики выделяют две составляющие в деятельности речевосприятия: первичное формирование образа восприятия и опознание уже сложившегося образа [10, с. 177]. При зрительной перцепции подключаются механизмы восприятия формы изображения, следовательно, использование графических средств в тексте активизирует дополнительные механизмы понимания, вызывая добавочные ассоциации в сознании воспринимающего. Визуальная перцепция принадлежит миру психических (ментальных) процессов [13, с. 179]. Глубокая взаимосвязь зрения и мышления отмечалась неоднократно в работах лингвистов. «Восприятие есть часть когнитивной организации и когнитивной деятельности» [19]. На филогенетическое обоснование восприятия и процессов мышления указывает Л. А. Калимуллина: «Органы зрения, в процессе филогенеза сформировавшиеся позже других, наиболее тесно связаны с интеллектом» [12, с. 24]. По Н. Д. Арутюновой, ментальные операции, сопутствующие зрительному восприятию, включают в том числе и идентификацию (узнавание), интерпретацию, выявление импликаций [2, с. 422], причем интерпретация имеет место при установлении знаковых отношений, «прочтений». Интерпретация – это работа мышления, которая состоит в расшифровке смысла [17, с. 235]. В психологии расшифровка смысла рассматривается как понимание.

Согласно теоретическим концепциям А. А. Брудного [7] и Л. С. Цветковой [27], этот процесс состоит в понимании того, *что было сказано и с какой целью* это было сказано. Такое проникновение в смысловое содержание речи позволяет реципиенту понять интенции говорящего. Такой уровень понимания включает и оценку языковых средств выражения мысли, использованных говорящим или пишущим [10, с. 178-179].

На процесс зрительного восприятия объекта оказывает влияние зависимость удаленности объекта от его размеров. Ученые пришли к выводу, что увеличение размера предмета приводит к уменьшению видимой удаленности, а уменьшение – к соответствующему росту воспринимаемого расстояния [8, с. 152]. Помимо фактора удаленности предмета на его восприятие влияют размеры окружающих его предметов [Там же, с. 155]. Отсюда следует вывод о том, что при восприятии текстовые единицы, выделенные заглавными буквами или курсивом, кажутся субъекту восприятия ближе на фоне окружения, что объясняет выполнение ими акцентирующей функции. Воспринимающий субъект выделяет предметы по контрасту. Когнитивный механизм перспективизации позволяет выделять предметы относительно других на основе выделения фигуры и фона. Фигура – выступающая вперед и относительно устойчивая часть видимого пространства. Фон имеет характер неформленного окружения, он как бы отходит на второй план [Там же, с. 164]. В роли фигуры в тексте могут выступать графически выделенные элементы, на которые обращено внимание интерпретатора. Графическая выделенность характеризуется визуальной контрастностью и вследствие этого «способностью к экспликации в своем смысловом объеме определенной доли стилистической информации» [11, с. 103].

Процессы обработки зрительной информации невозможны без участия механизма распределения внимания, выполняющего функцию зрительного поиска и отбора информации [8, с. 109]. Важную роль в процессе зрительного восприятия играет и память, она позволяет хранить информацию о воспринимаемом объекте и интегрировать эту информацию в единый образ.

Подобно тому, как «слова маркируют процессы, при помощи которых люди когнитивно взаимодействуют со своим окружением» [29, р. 538-539], графические средства в художественном произведении являются маркерами процессов когнитивного взаимодействия субъекта с окружающим миром. «Объекты в пространстве не только заселяют данное пространство, но и соотносятся с субъектом, его воспринимающим» [5, с. 212]. Воздействующий потенциал текстовых единиц, выделенных графическими средствами, объясняется фактором двойного кодирования, в результате чего они имеют вербальную и графическую составляющие.

Таким образом, восприятие графических средств в аспекте психолингвистической и когнитивной теорий восприятия представляет собой интеллектуальный процесс, связанный с когнитивными сферами автора и адресата. При этом «адресатная эвристика, будучи противоположной авторской по направленности, сходна с ней по основанию – по ориентации на когнитивные механизмы мышления» [3, с. 319].

Под когнитивными механизмами понимают способы мысленной модификации, моделирования и конфигурации различных концептуальных структур [18]. Исследователи выделяют механизмы профилирования,

концептуальной метонимии, концептуальной метафоры, развития, соединения, перспективизации и процесс концептуальной интеграции [Там же]. Для нашего исследования наибольший интерес представляют механизм перспективизации и процесс концептуальной интеграции. Когнитивный механизм перспективизации позволяет выделять элементы относительно других [19].

В процессе концептуальной интеграции участвуют ментальные пространства, представляющие собой пакеты информации, которые конструируются в нашем сознании в ходе порождения дискурса. При речевой актуализации определенного мыслительного представления, мнения, суждения или реакции на поступившее сообщение происходит активация блока памяти языковой компетенции и выделяется то ментальное пространство, которое включает соответствующую ментальную репрезентацию [13, с. 147]. Итак, «участниками» процесса концептуальной интеграции становятся два исходных пространства, общее пространство, которое возникает на основе общих признаков двух исходных пространств, и совмещенное (интегральное) пространство – бленд. При этом четвертое ментальное пространство не является результатом простого соединения двух исходных пространств, это продукт сложной ментальной обработки, включающей ряд ментальных операций: предположение, логическое рассуждение, эмоциональную оценку, творческое воображение, инференцию [31].

Согласно теории концептуальной интеграции, основой для запуска этого механизма могут служить как языковые единицы, так и различные события реальной жизни, при этом ментальные бленды не всегда находят свое языковое выражение, оставаясь продуктом мысли, а не языка [14, с. 160]. Авторы теории отмечали ее большой аппликационный потенциал, возможность применения при реализации креативного мышления, при создании рекламных текстов и т.д. [Там же, с. 186]. При этом они показали на конкретных примерах, как происходят процессы концептуальной интеграции при визуальной репрезентации, что дает нам основание применить эту теорию в нашем исследовании.

Курсив в романе

Далее перейдем к рассмотрению представленности графических средств, регулирующих восприятие текста читателем в материале исследования – произведении Д. Тартт “The Goldfinch”, и к исследованию их регулятивности в когнитивном аспекте. В ходе анализа выявлено наиболее частотное употребление шрифтовых выделений – курсива и заглавных букв. Обратимся к примерам, в которых курсивом выделены отдельные высказывания, связанные с воспоминаниями главного персонажа.

Со стыдом Тео вспоминает, как в школе ему и его другу Энди часто ставили подножки, толкали их, и тогда они притворялись персонажами из «Стар Трека», пытаясь превратить мучения в игру:

(1) *Captain, it would appear that these aliens are holding us captive in some simulacrum of your schools for human children, on Earth* [30]. / *Капитан, похоже, место, где эти пришельцы нас держат, – симулякр одной из ваших школ для человеческих детей на Земле* [24, с. 92].

Находясь под завалами здания, разрушенного взрывом, Тео кажется, будто он слышит слова, которые когда-то мальчишки кричали ему:

(2) I DON'T KNOW HOW long I was out. When I came to, it seemed as if I was flat on my stomach in a sandbox, on some dark playground – someplace I didn't know, a deserted neighborhood. A gang of tough, runty boys was bunched around me, kicking me in the ribs and the back of the head. <...> *Get up, asshole. Look at him, look at him. He doesn't know dick* [30]. / Не знаю, сколько я пробыл в отключке. Когда очнулся, казалось – лежу, распластавшись на животе в песочнице, на какой-то темной детской площадке, в незнакомом мне месте, в безлюдном районе. Коренастые крепкие пацаны сгрудились вокруг меня и пинают под ребра, бьют по голове. <...> *Вставай, урод! Гляньте на него, гляньте на него. Ничего не понимает* [24, с. 40].

Тео также часто вспоминает слова матери, погибшей во время взрыва в музее. Например, возвращаясь с работы и разбирая почту, она часто говорила:

(3) *Well, what do you know. My secret admirer has struck again* [30]. / *Нет, ты представляешь, мой тайный поклонник снова дал о себе знать* [24, с. 200].

В другом текстовом фрагменте курсивом выделены фразы диалога Тео с любимой девушкой в день, когда они сидели вечером на крыльце и болтали обо всем на свете, пока не стемнело. Ему казалось, что их любовь была такой же чистой, простой и незыблемой, как луна:

(4) ...talking until it was so dark we could hardly see each other, whispering though there was no reason: *do you want to go in? no, not yet* [30]. / ...мы все говорили, пока не стемнело настолько, что мы с ней друг друга с трудом различали, и шептались, хоть и незачем было: *ну что, пойдём – ты как? Нет, давай ещё посидим* [24, с. 664].

В рассмотренных примерах (1, 2, 3, 4) курсивом выделена чужая речь, употребленная без кавычек. Курсив подчеркивает слова, фразы, высказывания, которые оставили след в памяти героя и которые он вспоминает вновь и вновь, сигнализируя читателю о смене временного плана и типа речи. В примере (2) герой романа предвдвывает выделенные курсивом высказывания мальчишек словами: «...я слышал, как мальчишки бормочут». По нормам оформления прямой речи после слов автора крики мальчишек должны быть выделены кавычками, которых нет в тексте. Автор прибегает к выделению высказываний курсивом, тем самым акцентируя внимание читателя на их значимость для героя в данный момент.

Рассмотрим на данном примере (2), какие когнитивные механизмы лежат в основе интерпретационной деятельности адресата при восприятии и понимании текстового фрагмента, выделенного курсивом. В результате

действия механизма перспективизации текстовые единицы, выделенные курсивом, акцентируют внимание читателя на высказывании мальчишек, их речь выдвигается на первый план. Перспективизация высказывания связана с выделением фигуры и фона. В данном случае фигурой являются выделенные графически текстовые единицы, а фоном выступает их окружение.

Далее перейдем к рассмотрению действия процесса концептуальной интеграции. Исходное ментальное пространство № 1 отражает смыслы выделенных курсивом фраз (вербальная составляющая): *the boys' command to stand up* (команда встать); *asshole* (урод); *not understanding* (непонимание). Ментальное пространство № 2, сконструированное в результате восприятия и осмысления графической составляющей, включает следующие элементы: курсив, выделение слов мальчишек, акцентирование внимания на смысл слов подростков (команда встать). Общее пространство возникает на базе общего компонента *the boys' speech* (слова мальчишек). Интегрированное пространство, образуемое в результате взаимодействия исходных пространств, включает следующие компоненты: выдвижение слов мальчишек курсивом; акцентирование внимания на слова подростков; курсив сигнализирует о переходе от повествования автора к внутренней речи персонажа и о смене временного плана.

Автор произведения использует курсив также для выделения отдельных фраз, высказываний во внутренней речи героя. Внутренняя речь – это особый вид речевой деятельности, это «речь для себя» [9, с. 316], она «служит целям умственной ориентировки, осознания, преодоления затруднений и препятствий, соображения и мышления» [Там же, с. 317]. Обратимся к примерам, в которых курсив сигнализирует читателю о смене типа повествования:

(5) I could think of nothing but my dad: *I have to call him*, I thought, starting again and again from bed just as I was drifting off... if only I found him, if only he was answering his cell phone... *I have to get hold of him, I have to let him know* [30]. / ...отец не шел у меня из головы: *надо позвонить ему*, думал я, раз за разом подкидываясь с кровати, едва я начинал отключаться... надо было его только найти, только бы дозвониться ему... *надо его отыскать, надо сказать ему* [24, с. 413].

(6) I felt some profound shift in allegiance... *conviction of this place is good, this person is safe, I can trust him, nobody will hurt me here* [30]. / ...вдруг я ощутил, как из глубины... рванулось убеждение, *что это хорошее место, это хороший человек, я могу ему довериться, тут меня никто не тронет* [24, с. 169].

В примерах выделенные курсивом высказывания передают мысли героя, не высказанные вслух. В примере (5) – это мысли о возможном выходе из описываемой трудной ситуации, в примере (6) – мысли о новом знакомом. Курсив является средством выделения психологически выделенных высказываний, раскрывающих состояние эмоциональной напряженности героя. В процессе интерпретации выделенных курсивом текстовых единиц читатель ориентируется на механизм инференции, значимую роль при этом играет тезаурус читателя, включающий определенный эмоциональный опыт и опыт анализа текста. Своеобразным «мостиком» к пониманию фрагментов (в плане взаимодействия языковой и графической составляющей) является процесс концептуальной интеграции в когнитивной сфере адресата. Так, в примере (5) на основе вербальной составляющей, выделенных курсивом фраз, у читателя образуется исходное ментальное пространство, включающее элементы *inner speech of the character* (внутренняя речь персонажа); *the character has to call his father* (герой должен позвонить отцу); *he has to tell him something important* (он должен сказать что-то важное); *he is excited, he repeats the same words* (он взволнован, он повторяет одно и то же). В результате осмысления графической составляющей образуется второе ментальное пространство со следующими элементами: курсив; акцентирование внимания на внутреннюю речь персонажа; приобщение читателя к тому, что чувствует герой. Взаимодействие двух пространств возможно благодаря общим элементам: внутренняя речь; взволнованное состояние героя. В интегрированном пространстве образуется бленд, где элементы исходных пространств приобретают новые смыслы: курсив акцентирует внимание на чувствах персонажа; курсив сигнализирует о переходе от повествования автора к несобственно-прямой речи.

Автор романа широко использует курсив для выделения слов и высказываний на другом языке, что, на первый взгляд, является нормой и можно объяснить стремлением автора передать атмосферу. Но в отдельных главах романа мы наблюдаем избыточное использование вкраплений на иностранном языке, например в главе, повествующей о нахождении Тео в Нидерландах. Чтобы объяснить данную особенность, обратимся к теории когнитивно-дискурсивной деятельности, согласно которой личное пространство говорящего устанавливается в процессе мыслительного разграничения «своего» и «чужого». Результатом этого процесса является преобразование общих понятий о пространстве, времени и субъектно-объектных отношениях в личностно-индивидуальные по таким параметрам, как близкий/далекий, известный/неизвестный, похожий/непохожий, хороший/плохой и т.д. [20].

Находясь в Амстердаме, Тео испытывает страх и одиночество, он замыкается в рамках своего мира с целью отстранения от возможных собеседников, лишь изредка спускаясь в фойе гостиницы, чтобы взять прессу. Просматривая газеты, Тео видит только мелькающие заголовки на незнакомом языке:

(7) *Americaan dood aangetroffen* (Американец найден мертвым), *Drugs gerelateerde crimineel* (Преступление связано с наркотиками), *Scotenwisseling* (Перестрелка), *Deze moorden kwamen als en schok voor* (Убийства шокировали) и т.д. [24, с. 752; 30].

Выйдя на улицу, он слышит рождественские песни на чужом языке:

(8) *O Tannenbaum, O Tannenbaum, wie treu sind deine Blätter* [30]. / О елочка, о елочка, верны нам твои ветки [24, с. 754].

Повсюду ему бросаются в глаза непонятные слова:

(9) *Infinity of anonymous shops, twinkling window displays... foreign words everywhere, Snel bestellen, Retro-stijl, Showgirl-Sexboetiek* [30]. / Бесконечные безымянные магазины, переливающиеся витрины... повсюду – непонятные слова, *Snel bestellen* (Быстрая доставка), *Retro-stijl* (Ретро-стиль), *Showgirl-Sexboetiek* (секс-шоп «Шоугерл») [24, с. 718].

Можно предположить, что автор акцентирует внимание читателя на том, что герой выстраивает определенную дистанцию между собой и окружающим его миром, который является для него чужим. Воспользуемся теорией когнитивной интеграции для интерпретации текстовых фрагментов с выделенной курсивом иностранной речью. Ментальное пространство, отражающее смыслы ситуаций, вербализованных в примерах (7, 8, 9), включает следующие компоненты: *foreign words everywhere* (иностранная речь повсюду); *the character doesn't understand foreign words* (герой не понимает иностранную речь). Во втором ментальном исходном пространстве в результате осмысления употребления курсива можно выделить такие смыслы: курсив; выдвигание иностранной речи; передать атмосферу; показать, как герой чувствует себя в незнакомой стране. На основе концептуальной интеграции ментальных пространств образуется совмещенное ментальное пространство, включающее следующие смыслы: выдвигание иностранных слов и фраз; иностранная речь приобретает дополнительную значимость; герой чувствует себя неуютно в чужой стране.

Заглавные буквы в романе

Помимо курсива в романе часто встречаются текстовые единицы, написанные заглавными буквами. Так, заглавными буквами выделены слова и выражения на английском языке, которые герой романа пытается выучить, записывая их на обрывках бумаги:

(10) CELEBRITY, TRATTORIA, WISE GUY, PROPINQUITY, DERELICTION OF DUTY [30].

Заголовок в газете, который привлек внимание Тео, также напечатан прописными буквами:

(11) MUSEUM MASTERWORKS RECOVERED IN BRONX MILLIONS IN STOLEN ART [Ibidem]. / ПРОПАВШИЕ МУЗЕЙНЫЕ ШЕДЕВРЫ НАЙДЕНЫ В БРОКСЕ. СТОИМОСТЬ ЭКСПОНАТОВ ИСЧИСЛЯЕТСЯ МИЛЛИОНАМИ [24, с. 431]!

Заглавными буквами написан и весь текст рекламы цифровых камер, на которую обратил внимание Тео:

(12) YOU CAN LOOK AT A PICTURE FOR A WEEK AND NEVER THINK OF IT AGAIN. YOU CAN LOOK AT A PICTURE A SECOND AND THINK OF IT ALL YOUR LIFE [30]. / МОЖНО ГЛЯДЕТЬ НА КАРТИНУ НЕДЕЛЮ И ПОТОМ НИ РАЗУ О НЕЙ НЕ ВСПОМНИТЬ, МОЖНО ГЛЯДЕТЬ НА КАРТИНУ ВСЕГО СЕКУНДУ И ПОМНИТЬ О НЕЙ ВСЮ ЖИЗНЬ [24, с. 756].

Частотное использование заглавных букв заставляет читателя задуматься о причинах употребления данного графического средства. Выполняя акцентирующую функцию, заглавные буквы информируют читателя о том, на что именно направлено внимание героев. С точки зрения когнитивной лингвистики между визуальным взглядом и фокусом интереса в дискурсе имеется определенная связь [25]. Графические средства маркируют процесс когнитивного взаимодействия субъекта с окружающим миром. Выделенные заглавными буквами слова для запоминания (пример 10), заголовок в газете (пример 11) и рекламный текст (пример 12) акцентируют внимание читателя на наличие у героев определенного интереса, «субъективного выражения объективных потребностей» [22]. Обратимся к их значению: *celebrity* – *знаменитость*; *trattoria* – *трактир, ресторанчик*; *wise guy* – *крутой пацан*; *propinquity* – *близость*; *dereliction of duty* – *неисполнение обязанностей* [28]. Выбор лексики, которую стремится запомнить герой, раскрывает круг его интересов.

На примере (11) раскроем действие механизма концептуальной интеграции в понимании значимости шрифтового выделения в данном текстовом фрагменте.

Поскольку выделенный заглавными буквами заголовок, привлечший внимание Тео, представляет собой продукт двойного кодирования, содержащий вербальную и невербальную (графическую) составляющие, можно говорить о двух ментальных пространствах, создающихся при восприятии выделенного заглавными буквами заголовка о найденных пропавших шедеврах, который не случайно привлекает внимание Тео, поскольку один из этих шедевров хранился какое-то время у него. В исходном ментальном пространстве № 1, отражающем смысл заголовка, мы можем выделить следующие компоненты: *stolen masterworks* (украденные шедевры); *recovered* (найжены); *millions* (миллионы). Во втором ментальном пространстве, формирующемся в нашем сознании в процессе восприятия шрифтового выделения текстовой единицы, можно выделить такие компоненты, как: графические средства; акцент; охарактеризовать персонаж; шедевры в центре внимания. Ментальное пространство № 2 формируется на основе знания интерпретационного потенциала выразительных графических средств. В результате сопоставления двух ментальных пространств образуется блэнд, совмещенное ментальное пространство, формируемое следующими компонентами: украденные шедевры; найжены; акцентирование внимания; информирование о фокусе интересов персонажа. В структуре блэнда данные компоненты получают новое смысловое наполнение: информация об украденных шедеврах привлекает внимание персонажа; выделенное заглавными буквами сообщение акцентирует внимание на фокусе интереса персонажа. Воспользовавшись схемой М. Тернера и Ж. Фоконье, мы реконструировали когнитивный механизм понимания текстового фрагмента и выполнение заглавными буквами в рамках регулятивной функции частных функций – эмфатического выделения содержания объявления и акцентирующей функции указания на фокус интересов героя.

Рекламный текст (пример 12) «созвучен» с ощущениями героя, с его отношением к картине «Шегол», когда-то после взрыва полученной им от старика с наказом вынести из музея. Отсюда следует вывод, что заглавные буквы выполняют характеризующую функцию, подсказывая читателю фокус интересов героя в определенный момент. За выполнением регулятивных (акцентирующей и характеризующей) функций заглавными буквами в примере (12) также «стоят» когнитивные механизмы перспективизации и концептуальной интеграции.

Заключение

Таким образом, рассмотрение графических стилистических средств в аспекте когнитивно-психолингвистической теории восприятия позволило сделать вывод о том, что на восприятие выделенных графически текстовых единиц оказывает влияние двойное кодирование, в результате чего в них выявляются вербальная и графическая составляющие. Изучение традиционных подходов к стилистической графике показывает преобладание исследований функционального аспекта графических средств. К индивидуально-авторским графическим средствам в исследуемом романе следует отнести курсив и написание заглавными буквами. Основной функцией шрифтовых выделений является регулятивная функция, в пределах которой графические средства выполняют ряд частных функций: курсив сигнализирует читателю о смене временного плана в повествовании героя и о смене вида речевой деятельности; частотное выделение курсивом иностранной речи репрезентирует идею о разграничении героем пространства на «свое» и «чужое»; употребление заглавных букв вместо строчных привлекает внимание читателя к особо значимым текстовым единицам и выполняет акцентирующую и характеризующую функции. Когнитивный подход к исследованию регулятивности выявил ориентацию адресата в процессе интерпретации на когнитивные механизмы мышления – перспективизацию и концептуальную интеграцию. Они обеспечивают концентрацию внимания адресата на выделенных графически текстовых единицах, активизируют мышление и способствуют выявлению скрытых смыслов на основе инференции.

Перспективы дальнейшего исследования видятся в выявлении доминирующих графических средств в других произведениях Донны Тартт в аспекте идиостиля писателя, а также в разработке модели интерпретации текстовых единиц, выделенных графическими средствами.

Список источников

1. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык. М.: Флинта; Наука, 2007. 384 с.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. 896 с.
3. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику: учебное пособие. Изд-е 2-е, испр. М.: Едиториал УРСС, 2003. 360 с.
4. Бобылева Л. К. Очерки по языку английского романа XX века (лингвостилистический анализ). Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 1984. 164 с.
5. Болдырев Н. Н. Отражение пространства деятеля и пространства наблюдателя в высказывании // Языки пространств / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 212-216.
6. Болотнова Н. С. Особенности коммуникативной стилистики художественного текста как научного направления // Коммуникативная стилистика художественного текста: лексическая структура и идиостиль / под ред. проф. Н. С. Болотновой. Томск: Изд-во Томского государственного педагогического ун-та, 2001. С. 23-48.
7. Брудный А. А. Понимание как философская и психологическая проблема // Вопросы философии. 1975. № 10. С. 109-117.
8. Величковский Б. М., Зинченко В. П., Лурия А. Р. Психология восприятия. М.: Изд-во МГУ, 1973. 247 с.
9. Выготский Л. С. Мышление и речь // Выготский Л. С. Собрание сочинений: в 6-ти т. М.: Педагогика, 1982. Т. 2. С. 10-361.
10. Глухов В. П. Основы психолингвистики. М.: АСТ; Астрель, 2005. 351 с.
11. Джусупов Н. М. Индивидуально-авторские графические средства выдвигания в художественном тексте (когнитивно-стилистический аспект) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Теория языка. Семиотика. Семантика». 2013. № 3. С. 102-108.
12. Калимуллина Л. А. Диахронический аспект семантической деривации (на материале эмотивной лексики древнерусского языка) // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия 6. Гуманитарные науки (Филология). 2006. Вып. 5 (56). С. 21-28.
13. Колесов И. Ю. Проблемы концептуализации и языковой репрезентации зрительного восприятия (на материале английского и русского языков): монография. Барнаул: БГПУ, 2008. 354 с.
14. Кремнева А. В. Интертекстуальность как одна из форм межтекстового взаимодействия в семиотическом пространстве культуры: монография. Барнаул: АлтГТУ им. И. И. Ползунова, 2017. 378 с.
15. Кубрякова Е. С. Парадигмы научного знания в лингвистике и ее современный статус // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 1994. Т. 53. № 2. С. 3-15.
16. Кухаренко В. А. Практикум по стилистике английского языка. *Seminars in Stylistics*: учебное пособие. М.: Флинта; Наука, 2009. 184 с.

17. Лукин В. А. Художественный текст: основы лингвистической теории. Аналитический минимум. Изд-е 2-е, перераб. и доп. М.: Ось-98, 2005. 560 с.
18. Маслова Ж. Н., Попова Е. А. Проблема разграничения когнитивных процессов, механизмов, операций [Электронный ресурс]. URL: https://www.sgu.ru/sites/default/files/textdocsfiles/2015/02/18/maslova_zh_n_popova_e_a_problema_razgranicheniya_kognitivnyh_processov_mehanizmov_operaciy.pdf (дата обращения: 18.02.2021).
19. Найссер У. Познание и реальность. Смысл и принципы когнитивной психологии. М.: Прогресс, 1981. 232 с.
20. Олейникова Н. А. Притяжательные детерминативы французского языка как средство выражения личной сферы субъекта говорящего: автореф. дисс. ... к. филол. н. Иркутск, 2008. 22 с.
21. Сковородников А. П. Графон // Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты: энциклопедический словарь-справочник / под ред. А. П. Сковородникова. М.: Наука, 1985. С. 106-109.
22. Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. Изд-е 3-е. М.: Русский язык, 1985. Т. 1. 702 с.
23. Сыпченко С. В. Компаративные тропы как регулятивное средство в поэтических текстах Н. Гумилева // Болотнова Н. С. Коммуникативная стилистика художественного текста: лексическая структура и идиостиль / под ред. проф. Н. С. Болотновой. Томск: Изд-во Томского государственного педагогического ун-та, 2001. С. 99-112.
24. Тартт Д. Щегол / пер. с англ. А. Завозовой. М.: АСТ; CORPUS, 2019. 827 с.
25. Твердохлеб О. Г. К вопросу о соотношении визуального взгляда и фокуса внимания в лингвистике [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dialog-21.ru/media/2578/tverdokhlebo.pdf> (дата обращения: 27.01.2021).
26. Тюрина Р. Я. Морфологические и «графические» окказионализмы как регулятивные средства в поэзии Н. Гумилева, М. Цветаевой, И. Бродского // Коммуникативная стилистика художественного текста: лексическая структура и идиостиль / под ред. проф. Н. С. Болотновой. Томск: Изд-во Томского государственного педагогического ун-та, 2001. С. 112-129.
27. Цветкова Л. С. Нейропсихологическая реабилитация больных. Речь и интеллектуальная деятельность: учеб пособие. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: Издательство Московского психолого-социального института, 2004. 424 с.
28. English-Russian Dictionary [Электронный ресурс]. URL: translate.yandex.ru (дата обращения: 15.02.2021).
29. Lennenberg E. H. Language and cognition // Semantics. an interdisciplinary reader in philosophy, linguistics and psychology / ed. by D. D. Steinberg, L. A. Jakobovits. Cambridge (UK): Cambridge University Press, 1975. P. 536-557.
30. Tartt D. The Goldfinch [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bookfrom.net/donna-tartt/30747-the-goldfinch.html> (дата обращения: 08.02.2021).
31. Turner M. F., Fauconnier G. A Mechanism of Creativity [Электронный ресурс]. URL: <https://www.jstor.org/stable/1773272?seq=1> (дата обращения: 24.02.2021).

Информация об авторах | Author information

Симонова Елена Петровна¹

Коваленко Галина Федоровна², к. филол. н.

^{1,2} Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск

Simonova Elena Petrovna¹

Kovalenko Galina Fedorovna², PhD

^{1,2} Pacific National University, Khabarovsk

¹ epsimonova@gmail.com, ² kovalenkogf@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 16.02.2021; опубликовано (published): 30.04.2021.

Ключевые слова (keywords): восприятие; регулятивность; когнитивные механизмы; курсив; заглавные буквы; perception; regulativity; cognitive mechanisms; italics; capital letters.